

ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ ЛЮБВИ

К 80-летию
Е. Б. Вахтангова

80 ЛЕТ — и Вахтангов. Трудно представить. Я всегда помню его с молодым лицом, пронзительным и пронзающим взглядом. Мы, молодые студийцы, так были влюблены в своего учителя, влюблены преклоненно, что годы только помножили эту любовь на нашу зрелость, но никак не уменьшили ее. Он умер 39 лет, и с этой утратой до сих пор трудно примириться...

Его преданность искусству была поразительна. И этого же он требовал от нас. Требовал непримиримо — до жестокости. Он учил нас быть людьми, быть художниками, ковал нас для большой жизни, где с человека многое спросится. Он сумел воспитать в нас такие стороны и свойства, которые нужны актеру, как хлеб, как воздух. Строжайшая железная дисциплина была непременным условием работы с ним. Требовательность к себе без всяких скидок, гражданственное отношение к искусству, железная закалка — это было в нем и должно было быть в нас. И он добивался этого с прямотой и жестокостью очень любящего нас человека и художника. Без поблажек, без скидок, без добренького.

Голодным летом 19-го года мне причитался отпуск. Я, как и все студийцы, служила. Некоторые еще учились. Репетировали по вечерам, по ночам. Держались на молодом жаре и беззаветной любви к искусству. Я тогда только вышла замуж, и мы с мужем решили в мой отпуск поехать к его тетке в деревню. У тетки была корова, а молоко в те страшные годы было, что шампанское. И вдруг меня вызывает Вахтангов. Одно слово «вызывает» было для нас уже уроком. Значит, недоумен. Прихожу. «Вы хотите ехать отдыхать? А вы знаете, что вам [чувствую за этим «вам» — такая-сякая, незнайка, ничтожество], что вам дают такую роль, как Лиззи в «Потопе»? [Это была единственная женская роль в спектакле]. И вы [уничтожаюсь до конца] смеете отказываться от этого! Неинтересно!!!»

Тетка с коровой были оставлены. Начались репетиции.

Как и его великий учитель Станиславский, Вахтангов старался из каждого исторгнуть то, что нужно для роли. Он искал, выискивал, вытаскивал из каждого его индивидуальную силу, заставляя даже наши слабости работать в ключе образа. И как это ему удавалось! В «Потопе» я играла проститутку, и мне, молодой актрисе и молодой жене, порой трудно было выдавить из себя довольно откровенный текст. И я как-то от стеснения глупо улыбалась, жалась. И эту жизненную правду моего поведения Вахтангов соединил с правдой художественной. «Молодец, она сама не знает, что она делает!» — говорил он потом товарищам. Моя улыбка смущения и

Цецилия МАНСУРОВА,

народная артистка РСФСР

сцене «покаяния и очищения» превратилась в улыбку смиренного к былым бедам и горестям. Моя робость стала лить воду на мельницу образа.

Первоначальное распределение ролей в «Принцессе Турандот» установило, что Альтоума играет Щукин, а Тарталью — Басов. Вахтангов потом поменял их ролями. Он почувствовал в Басове мягкость, доброту, какую-то ребячью наивность, нужную для роли Альтоума. И Басов прекрасно «сыграл» на этих своих чертах. Щукин более ловок — он ближе к Тарталье. Так жизненная, человеческая основа каждого заработала уже сценически.

Меня, например, надо было всегда похваливать. Я расцветала от этого, играла свободнее, легче. Но для роли принцессы Турандот мне чего-то не доставало. Какого-то порога, после которого зритель поверил бы, что в неприступном, жестком сердце принцессы уже родилось чувство любви к принцу. Вот Калаф отгадал ее загадку. «Молния!» — торжествуя кричит он. А потом капризная, строптивая, неуемная принцесса вдруг заливается слезами и превращается в обиженную девушку, наказанную упрямыцу. И это чудо превращения — тоже волшебство Вахтангова.

Во время репетиции он сознательно обидел меня до слез, до горечи, до негодования и, не дав высохнуть моим слезам, приказал играть. И плакала уже принцесса, уже рвалась не я, а Турандот, забывшая гордость, впервые пережившая поражение. И около тысячи раз, повторяя роль, я переживала ту обиду, ту магическую обиду Турандот, которую нанес мне Вахтангов, исторгнув из меня эти слезы негодования и художественной правды.

Он исподволь, незаметно подталкивал нас в нужном направлении. А. А. Орочко на репетиции он старался рассердить. И ее сила, могущество, красота звыгрывали — она зверела, как тигрица, как лев. «Бездарность! Провинция!» — кричал Вахтангов, — и что же делалось в ней! Как прекрасна была Орочко в своем неподдельном гневе, в сокружительности злости и силы! Она горела, она бушевала, она играла отлично. Вахтангов добился своего.

Как дороги мне эти годы, годы нашего мужания, нашего ученичества у Вахтангова! И дань огромной признательности своему учителю — это не обычные юбилейные аплодисменты, это большая, взволнованная, благодарная любовь всех поколений советского театра к одному из его создателей. Мы, воспитанники и питомцы Евгения Багратионовича Вахтангова, и сегодня стоя аплодируем немеркнущему искусству этого великого художника.

Литературная Россия, 1963, № 7, 15 февраля